

ОТРАВЛЕННАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

18+

«ВО ВРЕМЯ БАЛА НЕЗНАКОМЕЦ В МАСКЕ ПРЕДЛОЖИЛ
МНЕ СБЕЖАТЬ ВМЕСТЕ... ОН ЧТО-ТО ЗНАЛ...»

КРИСТИНА ЮРАШ

18+

Темные желания (однотомники)

Кристина Юраш

Отравленная для дракона

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Отравленная для дракона / К. Ю. Юраш — «Автор»,
2026 — (Темные желания (однотомники))

-- Даже если ты сдохнешь, ничего не поменяется! Ты - ничтожество! Муж выставил меня душой, опозорил и отравил. Я чудом выжила после яда и утром узнала, что муженек украл все деньги из дома, из нашего банка и сбежал за границу вместе с любовницей. Я была образцовой женой банкира: подняла его банк с колен, пять лет строила его империю, улыбалась в лицо и молчала, когда он спал с певичкой. Я создала первую масштабную рекламу в этом мире, где об этом никто ещё не слышал. Теперь вокруг меня руины, толпа, требующая моей крови за преступление, которого я не совершала. Я пытаюсь продать все, что можно, чтобы попытаться погасить долги банка. Бандиты обещали отрезать мне палец по приказу герцога. А по ночам ко мне приходит ... чудовище, аристократ в белой маске, чьи пальцы знают, как ласкать и как ломать. Чьи губы целуют меня, когда руки затягивают ремень на моем горле. Но я знаю: если умру — он сожжёт весь мир, лишь бы найти меня в аду и снова сделать своей.

© Юраш К. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6. Дракон	18
Глава 7. Дракон	20
Глава 8. Дракон	21
Глава 9. Дракон	22
Глава 10. Дракон	24
Глава 11. Дракон	26
Глава 12	27
Глава 13	28
Глава 14	29
Глава 15. Дракон	30
Глава 16. Дракон	31
Глава 17. Дракон	32
Глава 18	34
Глава 19	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кристина Юраш

Отравленная для дракона

Пролог

– Даже если ты сдохнешь, ничего не поменяется! Ты – ничтожество!
Слова, как пощечина. Правая щека вспыхнула, словно по ней ударили.
– Ты без меня никто!

От этих слов вспыхнула левая щека.

– Ты ничего без меня не можешь! Ты только что меня опозорила! Посмотри вокруг! Это же ужас, а не бал!

Голос моего мужа, известного банкира Мархарта Лавальда, прозвучал громко. Словно нахло в тот момент, когда музыка затихла, давая гостям передышку между танцами. Разодетые, искрящиеся бриллиантами гости в красивых маскарадных костюмах, которые только что хвалили бал, закуски, украшения, замерли, прислушиваясь.

– Прошу тебя, тише... – умоляющим голосом прошептала я.

Я такого не ожидала, поэтому по телу пробежала неприятная волна, словно меня облили ледяными помоями. Месяц на подготовку! Учтена каждая деталь! Даже со слугами всё отретировано!

– Нет! Я не стану говорить тише! – голос мужа становился всё громче и громче, привлекая внимание всех гостей. – Почему я в своем доме должен говорить тихо! Аветта, ты понимаешь, что ты опозорила меня перед...

Он взмахнул рукой, показывая на гостей. Все смотрели на меня с любопытством, слетаясь со всего зала, как мухи на семейный скандал.

– Перед этой взыскательной публикой. Что это за закуски! – брезгливо произнес муж, беря тарелку и бросая ее на пол прямо мне под ноги.

Только что гости опустошили третью тарелку, и вот слуги уже принесли новую. Это были красивые и изысканные десерты, которые я обсуждала и продумывала неделю.

– Это... это еда для свиней! – произнес он, сыпая еще одну тарелку на пол. – А драпировка? Почему синий?

– Синий – это цвет нашего банка, – едва слышно прошептала я, краснея под взглядом гостей.

– В моде – золотой! А это побереги для похорон дальних родственников! Туда же и золотые подсвечники! – произнес муж, срывая гобелен. – И эти жуткие цветы! Ты посмотри на эти букеты! Да они выглядят так, словно их принесли из склепа!

– Но это модные цветочные шары с позолотой, – прошептала я, чувствуя, как сгораю на месте от стыда. – Золото сейчас в моде...

– Неужели нельзя было сделать красивые букеты! Красивые! – произнес муж, вытаскивая из букета розу и бросая ее мне в лицо. – Это позор! Слуги двигаются так, словно они в первый раз видят бал! И не знают, как на нем себя вести! У тебя был месяц на подготовку! Чем ты занималась целый месяц?! Всем, кроме подготовки бала, посвященного столетнему юбилею банка Лавальд?

Мои пальцы стали чужими. Я не чувствовала ткани перчаток, не чувствовала пола под туфлями. Только – взгляды гостей. Сотни игл, впивающихся в кожу шеи.

Голос Мархарта доносился будто из колодца. Я дышала, но лёгкие не раздувались. Словно я – пустая оболочка, висящая в воздухе над разбитыми тарелками, над золотыми лепестками.

– Неправда! – прошептала я, а в моем голосе что-то дрогнуло. – Я же утверждала с тобой каждую деталь...

– Я не помню такого, – ответил муж холодным голосом.

Мои дрожащие пальцы собрались в кулаки, но я так и не нашла в себе силы их сжать. Только что гости любовались убранством, выражали восхищение, даже брали на заметку некоторые идеи.

Я очень старалась. Не спала сутками. Каждая деталь была продумана, каждое блюдо было проверено, продегустировано перед тем, как украсить нарядный стол.

Мархарт вышел в центр зала, словно собираясь произнести тост. Мои губы дрожали. Я прикусила их и кусала их до тех пор, пока не почувствовала вкус крови. Плакать – значит дать им повод. А я уже отдала им всё.

– Господа, дамы! Я прошу прощения за тупость и лень своей жены! Извините, сказал как есть! Мне очень жаль, что так вышло, дорогие гости! – развел руками муж в театральном жесте. – Мне очень жаль, что вы вынуждены созерцать и пробовать этот... ужас!

Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Мое тело трясла мелкая нервная дрожь. Под пристальными взглядами гостей, которые тут же принялись дружно ругать всё, что видят, я старалась держать лицо.

– Может, вам поменять хозяйку? – послышался чей-то насмешливый голос из толпы. – У меня как раз дочь – дебиантка! И не прочь выйти замуж за банкира!

В зале послышались одобрительные смешки.

Я думала, что пламя стыда сейчас сожжет меня заживо. Я словно стояла в невидимом огне, пожирающем мое платье. Я сглотнула – и на мгновение представила, как хватаю розу с пола и вонзаю её мужу в горло. Шипы, кровь, его хрип. Но вместо этого я лишь приподняла подбородок. Потому что сорваться – значит дать им право сказать: «Вот она и есть та самая истеричка, за которую он вынужден платить!».

Я сдалась. Я не выдержала. Не выдержала этого унижения, этих взглядов, которые были прикованы ко мне. Всё это превратилось в комок тошноты в горле, а я бросилась из зала. Наверное, нужно было идти походкой гордой уязвленной королевы. Спокойно, уверенно, с достоинством, но я не могла. Я боялась, что если пойду медленно, то ватные ноги не выдержат, и я упаду.

Я выбежала в коридор, дрожа и задыхаясь от унижения.

Слез не было. Была только нервная дрожь и сухие рыдания. Я судорожно хватала ртом воздух, слыша, как за дверью зал гудит и обсуждает «убожество» и меня.

Мне захотелось закрыть глаза, заткнуть уши, спрятаться куда-нибудь. Но вместо этого я просто спрятала лицо в руках, словно веря, что как только я оторву его от своих пальцев, всё станет хорошо.

Наконец я оторвала лицо от рук, глядя на свои дрожащие пальцы. И вот только теперь из глаз хлынули слезы.

Я бросилась по коридору, не обращая внимания на удивленные взгляды вышколенных слуг.

Всем телом я ударились об дверь, ведущей в сад. Словно бабочка, которая отчаянно мечтает вырваться отсюда.

Сад был заснеженным. Я почувствовала, как холод проникает под тонкое платье, как его иголки колются под дорогим кружевом.

«За что?» – прошептала я, ртом втягивая в себя ледяной воздух.

Я заплакала, трясась всем телом. Мне было все равно, что здесь холодно. Я просто понимала, что мне нужен этот холод. Нужно прийти в себя.

– Только не плачь, прошу тебя, – прошептала я себе, обнимая себя за вздрагивающие плечи.

Снег замел кусты, налип на деревьях. Даже роскошный фонтан напоминал сугроб. Я то сжимала дрожащие руки в кулаки, то, наоборот, распрямила пальцы, чувствуя, как они подрагивают. Я пыталась пальцами бережно промокнуть слезы, которые наполнили мои глаза. Чтобы сохранить остатки макияжа.

– Вернись. Подбородок вверх. Не плачь. Не плачь, – срывающимся голосом цедила я сквозь слезы.

Одна мысль вернуться туда и стать всеобщим посмешищем вызывала у меня приступ тошноты.

– Нет... – вырвалось у меня сквозь стук зубов. – Не хочу-у-у...

Мне предстояло взять себя в руки и вернуться к этим людям. Чтобы до конца вечера слушать о том, какая я ужасная хозяйка, ловить на себе колкие взгляды, стать объектом для сплетен на месяц вперед и при этом делать вид, что все в порядке. А ведь с момента восхищения до момента распятия не прошло и десяти минут!

За что он так? Ему же все нравилось!

Я пять лет работала на банк Лавальд. И за это время не получила ни золотого. Я верила в то, что это – семейное дело, выстраивала стратегии, расписывала все нюансы, даже придумала первую в этом мире рекламу банковских услуг.

И сейчас мне просто до слез обидно. Чем я заслужила такое? За что?

Снег в этом мире падает так же, как и в том мире. И это, наверное, самое удивительное.

Как в тот день, когда я бежала по аллее небольшого сквера, а тот, кого я называла своим кошмаром, схватил меня за волосы, крича, что любит и что хочет, чтобы я снова вернулась к нему.

У меня дыхание перехватило, как в тот момент, когда он схватил меня у подъезда. А потом – белое.

«Ты сама меня довела... Видишь, до чего ты меня довела!» – слышала я полный ярости голос.

Боль. Я лежала с разбитой скулой, пока «скорая» везла меня в больницу, а соседи делали вид, что не слышат криков.

Потом я помню вспышку сознания в машине скорой помощи, белые лица врачей: «Не довезем!» и... я очнулась в теле жены банкира Лавальда.

Банкир на тот момент было сказано слишком громко. Банк с вековой историей медленно умирал. Люди предпочитали хранить деньги дома, а не доверять их чужим. Мне пришлось долго продумывать рекламу, чтобы убедить людей хранить деньги не под половицей, а в ячейке банка. Под проценты, разумеется. Но я справилась. Теперь дела мужа идут в гору. И он уверен, что это исключительно его заслуга. Неблагодарный!

Слёзы были горячими. Слишком горячими для этого снега. Словно моё тело всё ещё верило, что я заслуживаю тепла. Глупое тело.

Меня трясло от обиды, как вдруг я почувствовала, как кто-то положил мне на плечо руку.

Сердце вздрогнуло, словно на секунду поверила, что это Мархарт. Он пришел попросить прощения за свои слова, и теперь просит вернуться в зал.

Но это был не мой муж.

Высокая черная фигура в плаще с капюшоном и белой маске стояла передо мной, а я постаралась взять себя в руки.

– Я предлагаю вам уйти со мной, – произнес незнакомец.

Голос был мягок, но в нём читалась сталь.

Глава 1

– Что? – изумилась я, видя, как рука в перчатке вытирает мои слезы.

Мягкая бархатная перчатка касалась моей щеки, а я замерла. Его перчатка была ледяной. А внутри меня – впервые за пять лет – вспыхнуло что-то тёплое.

– Я предлагаю вам сейчас сесть в мою карету и уехать отсюда. Навсегда...

Его пальцы скользнули с щеки к подбородку – не грубо, но без права на отказ. Незнакомец приподнял мое лицо, заставляя смотреть в его стальные глаза.

– Ты думаешь, я пришёл, чтобы спасти тебя? – прошептал он. – Нет. Я пришёл, чтобы забрать то, что твой муж не заслуживал даже видеть.

Его большой палец провёл по моим удивленно распахнутым губам – почти ласково. Но в следующее мгновение пальцы сжались, и дыхание застыло в моем горле.

– Если скажешь «нет»... я всё равно не уйду. Просто подожду, пока ты сама придёшь ко мне – с пустыми глазами и разбитым сердцем. А я соберу тебя заново. По своим правилам.

Он отпустил меня – так же резко, как и схватил. Только в глазах – пылающий ад.

Пару мгновений до меня доходил смысл его слов. Что? Сбежать? С незнакомцем? Он... он вообще в своем уме?

Наконец-то придя в себя, я отшатнулась – не от слов, а от прикосновения. Оно было слишком тёплым для этого холода. Слишком уверенным.

Я хотела, чтобы меня хоть кто-то утешил, поэтому всеми силами постаралась скрыть предательское тепло, которое вспыхнуло внутри. Оно было похоже на лихорадку. На начало болезни.

– Вы... вы... сумасшедший! – вырвалось у меня, но мои пальцы сами замерли на его руке, прежде чем я успела отдернуть ее от своей щеки.

Я бросила тревожный взгляд на окна поместья. Не хватало, чтобы кто-то что-то увидел!

– Я замужем, – прошептала я, как заклинание.

– А ваш муж еще помнит, что он женат? – насмешливо спросил незнакомец.

Улыбку в голосе сложно было скрыть даже маской.

– Как вы вообще посмели! – сглотнула я, возмущенно глядя на его руку. – Я похожа на женщину, которая вот так возьмет и согласится?

– Нет, вы похожи на мою женщину, – заметил голос. – Поэтому я решил, что ваше место рядом со мной.

– Глупости, – испуганно выпалила я. – Вы просто выпили лишнего, вот и все.

– Я не пьян, – в голосе я слышала коварную насмешку. – Если только вами...

Я испугалась. Испугалась того, что в душе я услышала робкое: «Соглашайся!». Мне ужасно хотелось забыть этот день, как страшный сон. Вырвать его из памяти, как лист календаря.

«Нет! Ты с ума сошла!» – сжала я себя в кулак, прогоняя мысль «а вдруг стоит попытаться?».

Я попыталась уйти, но незнакомец перегородил мне путь.

– Я сейчас закричу, – предупредила я, хотя и самой не хотелось привлекать к себе лишнее внимание. Достаточно того, чтобы меня увидели наедине с посторонним мужчиной, чтобы начался еще позорный скандал.

– Ты можешь кричать. Но крик не дойдёт до зала. А я... я уже слышал, как ты плачешь. Долго. Терпеливо. Ты уже бежишь. Просто ещё не поняла, от кого. Я помню, как ты садилась в карету. На тебе было бежевое платье, бежевый полушубок, и от тебя пахло духами, кажется, «Мадам Любовь». А еще у тебя на тужельке не хватало двух жемчужин. Я следил за тобой...

Незнакомец резко перешел на «ты». Я сжала кулаки. Такие подробности пугали.

– Вы... вы точно сумасшедший, – прошептала я. И это было утверждение.

– Я знаю о тебе всё, – слышался тихий голос.

Я подняла взгляд, глядя в его глаза. Маска их не скрывала. И в стальных глазах я увидела... то, что меня напугало. Голод. Жажда.

Я не видела его лица. Я видела только глаза. Но этот взгляд – я знаю его на вкус. Как кровь на губах. Как страх в теле и крик, который не успел сорваться с моих губ там, в другом мире, у подъезда.

От этого взгляда всё внутри замерло – как тогда, у подъезда, когда бывший схватил меня за волосы и прошептал: “Ты моя. Навсегда”.

Тот же голод. Тот же лёд в голосе под ласковыми словами.

Это не он. Но в его глазах – то же самое. Одержимость.

– Отойдите от меня! – испуганно дернулась я.

Незнакомец схватил меня за руку.

Я вырвалась – не думая, не дыша. Мои ноги сами понесли меня к дому, будто тело знало: если останусь ещё на миг, что-то во мне лопнет. И не от страха. От облегчения. А этого я допустить не могла.

Я почти бежала, не оглядываясь. И сейчас та единственная мысль: “А почему бы и нет?”, промелькнувшая в моей голове буквально на долю секунды, как вспышка, казалась мне... опасной глупостью.

За спиной не было шагов. Только пугающая выжидающая тишина.

И снег, падающий без звука – будто мир затаил дыхание, ожидая, когда я наконец оглянусь.

Глава 2

Войдя в дом, я поспешила по коридору, боясь услышать за собой шаги. Мне казалось, что он гонится за мной. И этот страх меня подстегивал.

Только закрыв дверь комнаты, я смогла выдохнуть.

– Это какое-то безумие! – прошептала я.

Сердце заходило от волнения. Ладно бы он был просто пьян. Нет. Он был совершенно трезвым. И это пугало меня еще сильнее. В панике я бросилась к окну и задернула шторы, проверив, чтобы не осталось ни одной щели.

Пока моя рука сжимала бархат, я вспомнила, как панически задергивала шторы, как по десять раз проверяла замки на двери и вскакивала от звонка телефона с неизвестного номера. Двенадцать раз, тринадцать... Четырнадцать...

Каждый звонок заставлял тело напрячься. Откуда он узнал мой номер? Кто ему его дал? Это были самые обычные отношения. Сначала.

Он был клиентом нашего рекламного агентства. И показался мне довольно милым парнем. Пара встреч, одно красивое свидание, два месяца совместной жизни и... Так бывает, когда понимаешь, что не в силах каждый день после работы выносить скандал за скандалом.

А потом началась патологическая ревность. Я уже не имела права выходить из дома, не поставив его в известность. Не имела права разговаривать с кем-то по телефону. Только на громкой связи.

Я понимала, что это нездорово. И я ушла. Собрала вещи и ушла, думая, что это точка в отношениях. Но бывший был уверен, что это запятая.

Сотни звонков обрушивались на меня: «Вернись!». Он клялся, что больше так не будет. Умолял дать ему шанс. Не бросать трубку. Он сейчас подъедет, и мы поговорим.

Я помнила яростный стук в дверь. Ужас, который сжимал меня изнутри. Робкие заявления в полицию и страх.

После этого жизнь превратилась в ад. Я меняла квартиры, симкарты. Даже поменяла работу. Но он все равно находил меня.

Бал уже закончился. Я приоткрыла щель в шторах, видя, как от дома отъезжают кареты. Все внутри успокаивалось.

Тук-тук-тук!

Я вздрогнула и повернулась к двери.

Не успела я спросить, кто там, послышался голос мужа:

– Дорогая, открой!

С минуту я молчала. Но стук вдруг стал настойчивей.

– Прости меня, – послышался вздох за дверью. – Я... Я и вправду не должен был так себя вести... Я наговорил лишнего и... Некрасиво получилось, знаю... Открой, пожалуйста.

Я шагнула к двери и щелкнула замком. Обида выжигала душу изнутри, и душа просила извинений. Оскорблять при всех, а извиняться тихо, наедине – это неправильно. Я это понимала. Но в то же время я хотела услышать эти слова.

Мархарт вошел растрепанным, слегка помятым. Его красивое лицо раскраснелось. Ворот был ослаблен, словно давил на гладко выбритую шею. В свете магических светильников поблескивали дорогие бриллиантовые запонки.

– Я жду твоих извинений, – произнесла я, а мой строгий голос дрогнул.

– Я... Прошу прощения, – простонал Мархарт, обхватывая голову. – Я не знаю, что на меня нашло... Глупость какая... Мне действительно стыдно перед тобой... Ты должна была меня остановить... А то я выпил лишнего...

Он упал в кресло, спрятав лицо в руках, и тяжело задышал.

– Бал действительно был чудесный... – прошептал Мархарт. – Это просто я... Я был пьян и на взводе...

– Значит, как оскорблять, так при всех. А извиняться тихо, пока никто не слышит? – насмешливо спросила я, глядя в карие красивые глаза мужа. Он поднял на меня страдальческий взгляд.

– Да ладно тебе, – сглотнул он, откинув голову на спинку кресла. – Поверь мне. Завтра об этом уже забудут. Это я тебе гарантирую.

Глава 3

Я молчала. Внутри меня боролась уязвленная гордость с желанием вернуть мир в семью. От этой ссоры даже воздух в комнате изменился. Он стал густым, неприятным, горьким.

Любила ли я его? Да. Если любовью можно назвать привычку, симпатию и какое-то чувство «родственности».

– Ты долго еще будешь дуться? – спросил Мархарт. Я закрыла глаза, понимая, что прощения у меня попросили. Он извинился. Чего еще я должна хотеть от него? Чтобы он полз за мной на коленях? Вымаливал?

Я проглотила горький ком обиды в горле, пытаюсь выдавить жалкое подобие улыбки. Я не хотела прощать.

– Долго, – впервые за всё время ответила я.

Муж встал с кресла и вздохнул, подошел ко мне и обнял.

– Прости меня... – шептал он мне в висок. – Я просто взвинчен был. На нервах... Ты же знаешь, сколько нервов выедает этот банк.

Мархарт направился к двери. Я едва заметно дернулась.

Боже мой. Я поймала себя на мысли, что я чуть было не бросилась за ним для того, чтобы сказать, что я простила, что всё хорошо.

Но я удержала себя на месте, отвернувшись к зашторенному окну. Отогнув привычным жестом штору, я внимательно смотрела на улицу. Чувство дежавю. Я точно так же отгибала штору, собираясь выйти из дома. И всегда выбирала квартиры с окнами во двор.

– Вот, – послышался голос Мархарта. Он положил на стол бархатную коробочку и щелкнул замком. На черной бархатной подложке искрился сотнями бриллиантов браслет.

– Прими в знак извинений, – вздохнул муж, проводя рукой по камням и задумываясь о чем-то своем.

Он поставил два бокала на стол и достал бутылку с вином. Открыв ее, он налил бокал мне и себе.

– Хотя нет, – замер он, вздыхая. – Кажется, с меня сегодня хватит!

Он протянул бокал мне. Я вспомнила, как однажды он обронил фразочку: «Женщины не могут управлять деньгами, что банк – мой по праву рождения, а ты – «удачливый помощник»». Тогда я еще усмехнулась. Ведь я застала его больную мать, которая своими руками поддерживала банк, вела дела, пока ее супруг кутил и хвастался прибылью.

– Прости меня, – прошептал муж, погладив мою руку, взявшую бокал. – Я просто перенервничал... Я не должен был себя вести себя так... так... по-свински... Я бы даже сказал... по-скотски... Короче, мне прощения нет. Но я надеюсь, что ты меня все-таки простишь...

– Ладно, – вздохнула я, понимая, что дальше портить отношения уже бессмысленно.

И тут же почувствовала, как гадкий осадок ворочается в душе. Как говорила моя покойная бабушка: «Худой мир лучше доброй ссоры!».

Я сделала глоток, потом второй. Вино было терпким, почти горьким, но я не обратила внимания. Я так и не научилась разбираться по вкусу в дорогих винах за те годы, что я прожила в этом мире.

А зря.

И в этот момент я вдруг почувствовала головокружение. Терпкость вина во рту, перед глазами все расплылось на секунду. Я попыталась отставить бокал на столик, но промахнулась мимо него. Бокал упал на пол и разбился. Я хотела позвать служанку, но голоса не было.

«Не дышится...» – пронеслось в голове.

Я пыталась вдохнуть – но воздух стал густым, как смола. Грудная клетка сжималась, будто невидимая рука медленно выдавливает из меня жизнь.

«Я умираю...»

Мысль ударила, как молот по черепу.

«Нет! Нет-нет-нет!» – закричала я внутри, но голос не вышел. Только хрип.

Я пыталась пошевелить пальцами – пальцы не слушались. Я пыталась закричать – горло сжала стальная спазма.

«Боже... я умираю... и никто даже не знает...»

Слёзы навернулись – но не от обиды. От ужаса. Оттого, что смерть – это не романтический сон, а мрак, который вгрызается в тебя живьём.

– Аветта! – вскочил с кресла муж. В его голосе была тревога. – Что с тобой? Тебе плохо?

Глава 4

Я попыталась дойти до кресла, как вдруг ноги подкосились, и я неожиданно для себя рухнула на пол.

Я лежала с закрытыми глазами и не могла даже пошевелиться. Зато слышала всё.

– Это хорошо! – послышался голос Мархарта. – Значит, доза рассчитана верно.

Доза? Доза чего?

Это слово ударило сильнее яда.

Он хотел этого. Он готовился. Он хотел, чтобы я умерла! И все эти извинения были просто пафосом. Игрой, чтобы усыпить мою бдительность.

Я с ужасом и дрожью слабости во всем теле осознала: никто не придет. Никто не спасёт. Ни слуги, ни соседи, ни даже Господь – если Он существует в этом мире.

Я одна.

И я ухожу.

Темнота накатывала волнами. Я пыталась уцепиться за что-то – за воспоминание о снеге, за запах роз из бала, за голос того незнакомца в саду...

Но даже воспоминания начинали стираться.

Это конец?

И где-то в этой чёрной пустоте, где уже не было страха – только голая, ледяная ясность – я вдруг пожалела.

Пожалела о том, что не уехала с незнакомцем. Вдруг он что-то узнал? Может, он подслушал разговор? Он ведь мог просто предупредить! Не сказать прямо...

Сквозь накатывающую темноту я услышала скрип двери и шелест бального платья.

Она вошла, как врывается запах духов куртизанки в церковь: вызывающе, неуместно, почти кощунственно.

Я попыталась приоткрыть глаза. В свете комнаты я увидела бриллианты, но не как у благородных дам: их носили на шёлковой ленте, а не на золотой цепи. Это были не украшения – это был вызов. «Смотри, – говорили они, – я беру то, что тебе дарят из обязанности. А он отдаёт мне – по желанию!»

– Она уже сдохла? – спросил певучий женский голос, который я узнала сразу.

Мадам Свеча! Прима театра Коулхолл! Любовница мужа!

«Между нами ничего серьезного! – вспомнила я его голос. – Ты сама говорила, что люди не доверяют тому, кто сильно отличается от них. А мое имя должно вызывать доверие. Смею напомнить, что каждый уважающий себя джентльмен должен иметь любовницу. Или хотя бы танцовщицу на содержании! Верность супруге, дорогая моя, уже не в моде лет как сто и вызывает подозрения!»

Муж снял ей особняк напротив нашего дома.

С этого момента у Мархарта появилась привычка смотреть в окно. Каждый раз, когда она желала встречи, в ее окне зажигалась свеча. У него сразу поднималось настроение, и он находил предлог, чтобы слинять из дома. То собрание вкладчиков, то благотворительный вечер, то игра в карты с важными партнерами.

Я знала, что все это отмазки.

Но при этом старалась делать вид, что не замечаю. Я понимала, что в этом мире все иначе. Это в нашем мире можно было пойти и развестись. А здесь любой развод – это скандал и крест на репутации... женщины!

Не смогла удержать, недостаточно красива, недостаточно умна. И вообще, приличные женщины делают вид, что не замечают любовниц.

Сразу видно, что правила придумывали мужчины.

Здесь все мужчины изменяют женам. Они считают, что жена – чистое создание, которое нельзя склонять к порочной страсти. Для этого есть другой сорт женщин.

Так что мужчины даже гордятся тем, что берегут жену, изменяя ей.

И я должна была довольствоваться мыслью о том, что меня хотя бы немного уважают, раз не делают это в открытую, как другие.

– Не переживай, – слышался спокойный голос Мархарта. – Яд сильный. Ей осталось совсем немного. Зато теперь у нас есть оправдание. Моя дорогая жена не пережила позорного бала. Многие на ее месте поступили бы так же после того, что случилось. Так что мы вне подозрений.

– А скоро она умрет? – спросил любопытный голос мадам Свечи.

Глава 5

– Да, – слышался голос Мархарта. Он сглотнул. – Ну дай тебя обнять... Ты же знаешь, как я скучал по тебе...

Послышался женский кокетливый смешок и шелест платья.

– Только разочек, – в голосе мадам Свечи прозвучало гордое кокетство. И она тут же захихикала. – О! Мне кажется, что это уже не разочек! Да, любовь моя?

– Разве можно тебя только разочек? – рассмеялся Мархарт, задыхаясь. – Я тебя обожаю...

– А как же супруга? – спросила мадам Свеча. И в ее голосе прозвучал триумф. Это была уже не ревность. Скорее, капризная игра.

– А она даже бутылки дешевого эля в постели не стоит! – фыркнул Мархарт. – Я уже устал от постоянных сплетен за спиной. Они смеются за моей спиной... Говорят, что банк держится на моей жене... Хотя она ничего не сделала! Даже управляющий сегодня утром сказал мне, что моя жена многое делает для банка!

– И ты расстроился? – трепетным голосом спросила Мадам Свеча.

– Конечно. Я поднимал этот банк из руин. А она лишь помогала. Хотя больше мешала своими «умными женскими советами», – с яростью произнес Мархарт. – Писала какие-то глупые бумажки... Ты бы слышала, что за бред она писала людям!

Что? Я не стою даже бутылки дешевого пойла? Сквозь спазмы в горле я почувствовала, как на глазах выступают слезы. Такого унижения я не заслужила... Я столько лет строила этот банк, столько лет тащила семью из долгов, нищеты, привлекала клиентов, терпела истерики мужа: «Мне стыдно перед предками! Они построили банк... А я... Я – ничтожество... Понимаешь... Ничтожество! Я ничего не строю...»

Словно видение в аду, я видела картинки из прошлого.

Он икал, задыхался, растрёпанный, в полузастёгнутой рубашке. На его губах пенилась слюна, а по щекам текли слёзы.

Я вспоминала, как в этот момент обнимала его, прижимала его голову к своей груди и твердила, как заведённая игрушка: «Не переживай... У тебя всё получится... Ты просто ещё не освоился. Это бывает. Ты умный, у тебя есть деловая хватка... В любом деле бывают кризисы... Но это пройдёт!»

«Я не хочу умирать!» – стучала в голове мысль. Или сердце.

Тук-тук-тук...

Я услышала звук поцелуя и стон моего мужа.

– О, какая красота! – слышался вздох мадам Свечи, полный восхищения. – Какой браслет! А сколько бриллиантов!

– Забирай! – небрежно усмехнулся Мархарт.

– Это же подарок ей? – спросил голос мадам Свечи. Я слышала стук коробочки, шелест её платья.

– Он ей уже не пригодится. Бедняжка отравилась, не пережив позора, – заметил Мархарт. Я лежала, не в силах пошевелиться.

Я своими руками вытащила его из дерьма. Я своими руками придала ему уверенность в своих силах. Это мои руки расправили его плечи. И теперь он весь такой из себя, банкир, богач, чьё имя не сходит со страниц газет, обнимает какую-то певичку. А что сделала она? Что?

Внутри всё задыхалось от обиды.

Я приоткрыла глаза. Всё перед глазами расплывалось от слёз.

Мархарт выпустил из объятий Мадам Свечу и нагнулся ко мне. Он поправил прядь волос у моего виска – с нежностью, с которой отец укладывает спящего ребёнка. А потом прошептал: «Прощай, Аветта. Дальше я справлюсь сам».

Его рука гладила меня по щеке, в этом издевательском жесте нежности, которой он может подавиться!

– Сладких вечных снов, Аветта. Ты освободила место для лучшей женщины. Пусть тебя это утешит, – громко усмехнулся Мархарт. – И нечего было лезть не в своё дело со своим женским скудоумием. Я бы прекрасно справился и без тебя!

А ведь тогда я думала – я спасаю его. А на самом деле кормила его ненависть ко мне. Каждое моё «всё будет хорошо» было для его хрупкого мужского эго напоминанием: без меня ты – никто. Но я ведь так не думала. Я верила в то, что спасаю семейный бизнес... Я думала, что помогаю ему, а оказалось, что он ненавидел меня за каждую успешную идею, которая пришла в голову не ему.

«Ну да, Мархарт... Рядом со своей Свечкой ты можешь играть роль великого человека, не боясь разоблачения! Рядом с ней ты – сильный, ты – герой. И только я видела твою ничтожность!» – подумала я с горечью.

Я почувствовала, как меня увлекает в тёмную бездну. Голоса стали тише, пока не исчезли вовсе. Это была моя последняя мысль перед тем, как всё поглотила тьма.

Глава 6. Дракон

– Если ты ещё раз урежешь зарплату – ты сам будешь стирать бельё в ледяной воде. Всю оставшуюся жизнь!

Я стоял посреди цеха, глядя на нового управляющего. Тот вздохнул, поправил круглые очки и развернул бумаги.

– Мистер Эрмтрауд! – прокашлялся управляющий, пытаюсь придать своему голосу официальной солидности. – Я проанализировал ваши затраты на эту мануфактуру и выяснил, что она убыточная! Только два месяца назад мы еле-еле дотянули до нуля.

Он посмотрел на меня так, словно я должен был упасть в обморок, услышав эту новость. Но перед этим выдать ему премию.

– Поэтому я посчитал нужным урезать зарплату, и, как видите, мы даже вышли в прибыль! Также я сократил расходы на одежду... А то слишком дорого получается, убрал перемены и время на болтовню... Теперь нет пустой болтовни. Есть только работа...

Он смотрел на меня и ждал, что я его похвалю.

– Напомните, как вас зовут? – спросил я, глядя на нового управляющего.

Он сразу же распрямил плечи.

– Руллиан Флори! – с достоинством произнес управляющий, выпячивая грудь. – Так вот, мы...

– Послушай сюда, Флори. Убить бы тебя в воспитательных целях, – отрезал я, и голос мой прозвучал так, будто из груди выползла тень. – Впрочем, я так и сделаю, если ты не вернешь все, как было.

– Да, но разве вам приятно терпеть убытки, господин? – округлил глаза управляющий. – Это же... деньги!

Опять это слово. Почему все говорят его с таким благоговением? Деньги! Слово счастье заключено только в них.

– Я смотрю, ты любишь деньги, – произнес я. – Я что? Недостаточно тебе плачу?

– Более чем достаточно, – выдохнул Флори, смутившись. – Но речь не об этом...

– Тогда почему ты так прицепился к моим деньгам? – перебил его я, вскинув бровь.

– Это моя работа! Меня для этого наняли! И я не понимаю, как можно разбрасываться деньгами! Терпеть убыточную мануфактуру! – задохнулся Флори, а я видел его насквозь. Он из тех, кто поклоняется деньгам, считает их лекарством от всех печалей. – Она же... не приносит прибыли! Вы только посмотрите на эти цифры!

– Полагаю, что деньги для тебя самое главное в жизни, – заметил я. – Знал я такого, как ты. Правда, недолго. Он за медяком под карету на полном ходу бросился!

– И? – спросил Флори.

– Есть две новости. Хорошая и плохая. Хорошая. Медяк он достал. Плохая – на похоронах все удивлялись, почему покойник со сжатым кулаком.

– Ну да! – ответил Флори. – Ваше сиятельство, назовите мне хотя бы одного человека, которого деньги не сделали бы счастливым!

– Я могу назвать десятка два тех, кого они сделали несчастными, – ответил я. – Ладно, вернемся к деньгам. Вас что? Не устраивает прибыль с шахт, двух заводов, десяти магазинов и так далее...

Я смотрел на управляющего сверху вниз.

– Да, но я решил, что весь ваш бизнес должен быть прибыльным! – настаивал Флори. – Иначе это не бизнес, а... благотворительность какая-то! Мне поручено вести дела. Вот я и пытаюсь выжать из этой мануфактуры максимум!

– Выжать максимум? – ледяным голосом произнес я, вталкивая его в двери.

В огромном помещении стояли магические швейные машинки для плетения кружев, бобины с нитками вращались, распуская катушки. Жужжащий звук и треск линеек, тихие голоса и смешки за каждым столом.

Женщины за столами вскинули головы. Глаза – как у испуганных птиц. Но не от меня. От него. От того, кто пришёл забрать у них последнее: возможность смеяться на работе, приносить детям кружевные бабочки, покупать мягкое, щадящее руки мыло вместо дешевого стирального щёлока.

– О, господин Эрмтрауд! – задохнулись они от восторга. – Мы так рады! Вот, посмотрите, сколько мы сделали!

Я видел, как они хвастаются корзинами, в которых лежали мотки кружев.

– Господин Эрмтрауд! – задохнулась старая Берта Талли, протягивая мне платок с кривыми цветами.

Я взял его. Не из жалости. Из уважения.

Этот платок – её достоинство. Вышитое на коленях при свете сальной свечи. Когда руки дрожали от усталости, а сердце – от страха, что завтра не будет хлеба.

– Я так признательна вам, – прошептала Берта Талли, а я понимал, что сейчас хлынут слезы и платочек понадобится ей. – Я не устану вам это говорить! Никогда! Пока мои глаза не закроются! Если бы не вы, то я бы умерла на улице с голоду! С моим-то зрением!

– Это вам спасибо, – прошептал я, целуя ее морщинистые руки.

Она вернулась к корзине, где считала мотки кружев.

– Мистер Эрмтрауд! – звонкий голос заставил меня обратить внимание на красивую девушку. Она бежала ко мне с кружевной розой.

– Какая красота! – улыбнулся я, беря розу на проволоке. – Ты, Мэлли, сама сделала?

– Да, – смутилась Мэлли. – Из обрезков. Я их накрахмалила, как следует. Очень красиво получилось!

– Ты права, – кивнул я, вкладывая розу в нагрудный карман. – Это лучшее украшение.

Мэлли подбежала с кружевной розой. Глаза блестели. Она не знала, что делает мне подарок – она дарила мне часть себя. Часть времени, которое у неё не было. Часть любви, которую она не осмеливалась дать мужчине.

Я поцеловал её в губы.

Глава 7. Дракон

Не из желания.

А чтобы сказать: «Ты видишь меня. А я вижу тебя. И этого достаточно».

Но внутри – пустота.

Опять эта пустота.

Я мог купить королеву. Мог бы заставить судей лизать мои сапоги. Мог бы сжечь полгорода и назвать пепел своим новым поместьем.

Но никто не заполнял ту тьму, что жила под рёбрами.

Ту тьму, что иногда шептала: «Ты всего лишь тень той, что умерла в нищете!».

– Ой, – засмушалась Мэлли, приложив руку к губам. В ее глазах сверкнули искорки кокетства.

Да, это моя слабость. Я не могу устоять перед красивой женщиной. Обычно интрижки не длятся больше недели. Но дорогие подарки с моей стороны очень помогают забыть меня как можно скорее. Но не с ними. Нет... С ними я интрижек себе не позволял. Я не хотел уподобляться аристократам, которые видят в них только вещь.

Где-то за стенами этого цеха, под снегом, что падает без жалости и без шума, собирался бал, на который я уже прилично опаздывал.

Бал в доме банкира Лавальда.

Я уже видел приглашение. Скользнул взглядом по нему, и тело отозвалось, как раненое.

Почему?

Потому что там будет она. Женщина, которая поразила меня с первого взгляда. Я не знаю, что со мной тогда случилось. Я лишь видел ее издали, как она садилась в карету. Я забыл, о чем разговаривал с бароном. Забыл о том, что я – герцог. В тот момент, когда она мельком посмотрела в мою сторону, дракон внутри дернулся. Впервые в жизни.

Я стоял в тени других гостей, которые разъезжались со званого вечера, и случайно повернул голову. И после этого я не мог остановиться. Мой взгляд пожирал все: бежевый полушубок, запах духов «Мадам Любовь», который приносил морозный ветер, даже туфли, на которых не хватало двух жемчужин.

Я шел по цеху к новым приказам и расписаниям. Резким движением я сорвал бумажки, которые повесил Флори.

– Перерывы возвращены, – объявил я, срывая новые приказы Флори. – Зарплаты – в полном объёме. Униформа – как раньше. И ещё: с этого дня каждая, у кого есть ребёнок младше пяти, получает молоко и хлеб за счёт мануфактуры.

Женщины зашептались. Кто-то зарыдал.

Я не смотрел. Я уже думал о бале.

– Это что значит? – произнес Флори, глядя на то, как я мну приказы в кулаке.

– Это значит, что еще одно такое самоуправство, и я отправлю тебя на работу к червям на кладбище. Не переживай, я напишу тебе хорошие рекомендации.

Глава 8. Дракон

– Считайте это благотворительностью, – заметил я, глядя на девушек и женщин. – Вот послушай, Флори. И впредь. Не веди себя как мусор, который сюда случайно занесло ветром. Эта мануфактура неприкосновенна. Как бы плохо в ней ни шли дела, ты должен делать вид, что этого не замечаешь. Они только учатся. И не надо гонять их на износ, выжимая последнее.

– Но вы же сами так делаете на заводах! – возразил Флори. – Там дисциплина. Порядок. И прибыль!

– Не сравнивай! – зарычал я. – Там работают мужчины! Те, которые придут домой и завалятся отдыхать, пока жены и матери суетятся с ужином и детьми. У этих женщин должны оставаться силы на семью и на детей.

– Тогда почему бы не нанять мужчин? Они справятся с магическим шитьем намного лучше женщин! – заметил упрямый Флори. – И предприятие быстро станет прибыльным! Спрос на кружева огромный! Модницы сметают их целыми магазинами! И если мы сократим расходы, то быстро выйдем на прибыль!

– Ты ведь из богатой семьи, не так ли? – спросил я, глядя на нового управляющего.

– Ну, не сказать, чтобы очень, – замялся Флори, нервно поправляя очки. – Скорее из средней.

– Средней – это как? Когда вы сами бедные и прислуга у вас бедная? – поинтересовался я.

– Ну, среднего достатка! У отца была нотариальная контора! – заметил Флори.

– Горничная у тебя была? – спросил я, видя, как девушки обсуждают отмену правил. – Да! Была! – закивал Флори.

– Дай-ка я угадаю, она однажды внезапно пропала, – в моем голосе слышался лед. Я и сам чувствовал, как у меня сводит челюсть. – После того, как твой отец обратил на нее свое внимание...

– Откуда вы знаете? – удивился Флори.

– Так вот, – произнес я, а зубы мои скрипнули. – Как вы думаете, в какой нищете умер ваш братик или сестричка?

– Я вас не понимаю! – занервничал Флори.

Он не понимал. Он не мог понять. Люди, рождённые под крышей, не знают, как пахнет страх в холодной ночлежке. Не чувствуют, как дрожит рука, когда ты впервые отдаёшь своё тело за кусок хлеба – не ради удовольствия, а ради того, чтобы твой ребёнок вздохнул ещё раз.

А я помню.

Я помню руки матери. Покрытые мозолями, содранными до крови от щёлока и мыла.

Я помню её запах – пот, лаванда, гниль.

Я помню, как она плакала, стоя спиной ко мне, чтобы я не видел.

А я видел всё.

Глава 9. Дракон

– То, что вы считаете нормальным – насиловать горничных, принуждать служанок к близости, бросать невест перед свадьбой, – произнес я, глядя в его колючие маленькие глаза. – И дальнейшая судьба вас не волнует. Моя мать была горничной у герцога Эрмтрауда. И когда она забеременела от хозяина, он выставил ее за дверь. Это все случилось накануне свадьбы герцога. И он не хотел скандала. Мать родила меня в ночлежке. А потом работала на углу Улицы Секретов. Пока я спал в колыбели, она брала клиентов. Она это делала, чтобы мы не умерли с голоду. Потом она подалась в прачки. Моя матушка, моя драгоценная матушка, зашивала дыры на чужих штанах, пришивала пуговицы, терла щелоком пятна, чтобы я мог есть и учиться, чтобы у нас была крыша над головой. Она умерла, когда денег катастрофически не хватало, и она решила вернуться на улицу Секретов, когда мне было двенадцать. И однажды ее убили. Ей изуродовали лицо и бросили умирать, словно в насмешку положив на стол золотой. Это был кто-то из аристократов. Мадам Рамбаль видела мужчину в маске, который входил вместе с ней в комнатушку. А через три месяца к ночлежке подъехала роскошная карета. Слава о мальчишке – грузчике, способном поднять то, что не могли поднять даже трое-четверо взрослых, облетела весь город. В карете сидел слуга. Он сказал, что мой отец хочет видеть меня. Уже в карете я узнал, что брак отца был бездетным. Второй, к слову, тоже. Он отчаялся. Никто из его женщин за двенадцать лет так и не смог родить законного наследника. Маги сказали, что «кровь выгорела». Я не знаю, что это значит. Мне плевать. И он вдруг вспомнил обо мне. Я стал жить в роскоши, есть самую лучшую пищу, мне наняли учителей. Но он никогда не называл меня своим сыном. Только «наследник». И однажды я просто убил его.

– Вы убили своего отца? – ужаснулся Флори.

– Да. И я горжусь этим, – усмехнулся я. – Я спросил его, почему он не купил горничной дом, почему не помогал деньгами. Почему его не было рядом, когда умирала мама. На что он сказал, что моя мать его не волнует. И я очень разозлился. Очень.

Флори сглотнул.

– Вы не боитесь правосудия... Это же все-таки убийство, – прошептал он.

– У меня есть поводок на каждого судью, – усмехнулся я. – И в любой момент я его дёрну. И судья снова станет шёлковым и ручным.

– Поэтому я решил создать мануфактуру. Денег она не приносит. Но это – девочки, женщины, которые сами зарабатывают себе на пропитание, на жильё, на ленточки. Они очень стараются. Ты сам видишь. Ведь у многих из них было только два пути – в реку или проституткой на Улицу Секретов. Ты посмотри, как они счастливы. Они сами обшивают себе платья кружевами. Поэтому никакой робы. Только красивые синие платья. Которое каждая может переделать под свой вкус. Я разрешаю им брать один моток кружев в неделю. В качестве приятного подарка. У многих из них маленькие дети. А ты лишаешь их законного права на опоздание и денег на грошовую няньку.

Флори молчал. Он не понимал меня. Я и не ожидал, что он меня поймёт.

Чтобы меня понять, нужно пройти весь путь от очередного голодранца с улицы до наследника несметных богатств в дорогом костюме, над которым трясутся гувернёры.

– Это не благотворительность, – сказал я Флори, когда тот снова огрызнулся о «неприбыльности». – Это месть. Мечь за мать. За каждую женщину, вышвырнутую на улицу с ребёнком на руках. За каждую слезу, которую пришлось вытереть рукавом, потому что платок стоил дороже, чем обед.

– Вы не боитесь обанкротиться? – спросил Флори, а я понимал, что он обычный, скучный клерк, у которого вместо сердца кошелёк. Жадный сухарь, которого жизнь научила не замечать ужаса, что творится по дороге на работу.

– Нет. Не боюсь, – усмехнулся я.

Я боюсь совсем другого.

Я боюсь, что когда я наконец возьму её за руку – она отстранится. А я не сдержусь. Одна мысль о ней вызывает во мне дикое желание. Настолько дикое, что мне кажется, проще разрушить весь мир, чем отказаться от этой женщины.

Мои пальцы сжали кружевную розу Мэлли.

Не та.

Но сегодня вечером... сегодня я увижу ту самую.

И если она скажет «нет»...

Я всё равно не уйду. Потому что я болен ею. Болен настолько, что вчера ночью следил за ее домом. Вычислял окна ее комнаты. Словно убийца, которому дали задание. Но хуже, чем убийца. Потому что убийца знает меру. А я её давно потерял... в тот самый миг, когда впервые увидел её глаза. Убийцу интересует только тело. А я хочу получить всё.

Ты не герой, Арамилль. Ты хищник, что прячется за благотворительностью. Она не захочет тебя. И ты это знаешь. Но всё равно пойдёшь туда. Потому что ты уже давно перестал быть человеком. Ты стал чудовищем, которое вышло на охоту.

Глава 10. Дракон

Снег падал так, будто мир устыдился того, что видел.

Я стоял в тени кипарисов, наблюдая, как она вырывается из дома – будто птица, чьи крылья обжигают пламенем позора. И всё же – даже в этом унижении она была прекрасна.

Я не собирался говорить с ней сегодня.

Но когда я увидел, я понял: если не подойду сейчас, то потеряю её навсегда. А терять я не умею.

Как в тот день у кареты. Как тогда, когда я впервые услышал её голос сквозь шум улицы и вдруг забыл, как дышать.

Я коснулся её – осторожно, почти благоговейно. Ледяная перчатка на её щеке, а внутри меня – пожар.

Пальцы задрожали. Не от холода. От того, что я наконец коснулся того, что годами вырезал в своих снах ножом из собственных желаний.

– Я предлагаю вам уйти со мной, – сказал я, и голос выдал меня: слишком низкий, слишком грубый, слишком наполненный тем, что не назовёшь вслух.

Она вздрогнула. Посмотрела на меня – не с надеждой, нет. С испугом.

Но даже в этом испуге мелькнула... надежда.

Я гладил её мокрые от слез щеки. И даже одно прикосновение сквозь ткань перчаток порождало внутри желание.

“Ты думаешь, я хочу спасти тебя? Нет. Я хочу, чтобы ты просила спасения у меня. Чтоб твои колени дрожали не от страха перед другими – а от желания быть моей”, – шептали мои пальцы.

– Вы... сумасшедший! – выдохнула она, но её пальцы задержались на моей руке.

И этого было достаточно. Достаточно, чтобы я почувствовал её сомнения.

Я знал: если сейчас скажу «да», если позволю ей уйти – я сгорю изнутри.

Моё тело уже давно стало храмом для одного-единственного желания, мучительного и всепоглощающего.

Ткань штанов натянулась, будто кожа не выдерживала плотности пульса, что бил внизу живота. Это был не просто возбуждённый член, это было желание содрать с неё платье, войти в неё, услышать этот сладкий первый стон. И доставить ей такое удовольствие, от которого она еще не скоро сведет дрожащие колени. Я хочу наслаждаться ею всей, целиком, полностью, каждым её вздохом, каждым стоном, каждым движением, хочу сжимать её грудь, видеть, как вздрагивает её животик от каждого моего толчка, покрытый капельками пота, обхватить губами её набухший сладкий бугорок и под её стон и дрожь напряжения скользить по нему языком. Да, я хочу знать её вкус. Вкус её кожи, вкус её слез, вкус её соков.

– Нет, – тихо сказал я, пожирая её взглядом. – Я не сумасшедший.

Это была ложь. Я действительно сошел с ума. Никогда еще я не желал так женщину.

И тут же мысленно произнес: “Я просто устал притворяться, что могу жить, не взяв тебя!”.

Она отшатнулась, но я не двинулся. Пусть боится. Пусть ненавидит.

Лишь бы не смотрела сквозь меня, как раньше смотрела на других.

Я видел, как её муж унижал её. Видел, как гости жрали её труд и плюнули в лицо тем, чем сами восхищались еще пять минут назад.

И всё это время я стоял в саду. Сжимал рукоять кинжала под плащом. Готов был войти и сжечь этот дом до основания.

Но знал: она не хочет спасения. Она хочет власти над собственной болью.

И потому я ждал. Даже когда каждая клетка тела требовала: забери, свяжи, унеси. Не отпускай никогда.

Но что-то внутри противилось. Я ведь не дикарь, чтобы так поступать с женщиной. Чтобы унести ее, спрятать, связать, дарить ей наслаждение раз за разом, кормить, ласкать, заваливать подарками до тех пор, пока однажды не услышу свое имя, которое она сладко простонет в момент оргазма.

– Вы не имеете права... – прошептала она, дрожа. – Я замужем.

Эти слова прозвучали как заклинание, как щит.

– А ваш муж ещё помнит, что он – женат? – спросил я, и в голосе прозвучала сталь, обёрнутая бархатом.

Глава 11. Дракон

Я уже прекрасно знал, где и с кем проводит вечера ее муженек. С кем он выезжает в свет, кем хвастается перед друзьями.

Она попыталась уйти. Но я загородил путь. Не силой. Просто стоял – как стена, как судьба, как неизбежность. Я дышал ею, дышал ее страхом, ее дыханием, ее смятением.

– Я уже слышал, как ты плачешь, – сказал я тихо. – Долго. Терпеливо. Ты уже бежишь. Просто ещё не поняла, от кого.

И теперь, когда она смотрела на меня с ужасом, я видел не отказ.

Я видел сомнения и колебание. Трещину в защите.

А через трещину можно войти в ее душу, в ее тело, в ее сердце.

Она рванулась, бросилась в дом. За дверью исчезло ее красивое платье, ее испуганное сердце, ее страх, ее слезы. Здесь осталось только мое желание. Страстное, едва сдерживаемое тугими штанами.

Снег хрустел под сапогами – не звук, а укор. «Ты позволил ей уйти».

Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Мне хотелось разнести этот дом. Сломать дверь. Затащить её в тень. Заставить кричать моё имя – не от страха, нет. От боли, которую я бы стёр поцелуями. От удовольствия, которое я бы влил в неё как яд.

Заставить ее почувствовать что-то кроме боли, слез и обиды. Заставить ее ощутить, что если для кого-то она мусор, то есть тот, для кого она богиня. Тот, кто готов поклоняться ее телу, дарить ему сладость наслаждения, пока она сама не прошепчет мне однажды, что она мокрая... Что она хочет меня. Прямо здесь, прямо сейчас...

Я на секунду представил ее задыхающийся голос на ухо. А потом почувствовал, как от этой мысли член натянул ткань штанов.

Я поднял руку – не к лицу, нет. К горлу.

Медленно, почти с благоговением, вообразил, как мои пальцы обвивают её шею. Не чтобы убить. Чтобы заставить замолчать этот её шёпот: «Я замужем». Чтобы она перестала думать о нём.

Я свихнулся. Чтобы я так себя вел? Да никогда! Я никогда не поддавался сиюминутным порывам, никогда не влюблялся с первого взгляда. Но сейчас я чувствовал, что это не любовь. Это... болезнь.

Потому что я болен ею.

Болен настолько, что готов сжечь этот город, лишь бы она вышла из пепла – чистой.

Болен настолько, что уже не различаю, где заканчивается её боль – и начинается моя жажда.

Болен настолько, что не вижу света. Вижу только её.

И от этой болезни есть только одно лекарство. Она. Ее тело, ее душа, ее стон.

И если она снова скажет «нет» – я не уйду.

Я просто заберу «да» у её тела.

Я просто притворяюсь благородным, чтобы соответствовать статусу.

На самом деле я тот самый разбойник с улицы, приставляющий нож к спине жертвы со словами: «Кошелек или жизнь!».

Глава 12

Я помню, как боролась, пыталась выкарабкаться из этой темноты. А она, словно щупальца, обвивала меня, не отпуская и ломая. Внутри все горело, словно сгорая в невидимом огне яда.

Я снова видела подъезд, слышала крики: «Я люблю тебя! Люблю! Ты что? Не понимаешь? Мне плохо без тебя!». И удар за ударом, от которых темнело в глазах. Я кашляла, умоляла прекратить. Но бывший словно озверел.

«Ты не достанешься никому! Слышишь?!»

Я почувствовала, как шапка слетела, а он поднял меня за волосы. Один удар смазал мне скулу.

Моя дрожащая рука пыталась найти в снегу телефон, чтобы позвонить. Он бросился бежать, а я нащупала мокрый телефон.

– Помогите... Скорая... – шептала я. Я хотела сказать не это. Но почему-то вылетало что-то бессвязное. Голос девушки на том конце. И я пытаюсь встать...

Глупо, но мне почему-то было стыдно лежать. «А вдруг подумают, что я пьяная?». Вокруг все было в розовом. Куртка – мокрой. Я сделала несколько шагов к припорошенной снегом лавочке...

Телефон выпал из рук, а я свернулась комочком на снегу, словно котенок. И плакала. Просто плакала. Мне было уже не больно. Но так страшно... «Я умираю». Я знала об этом. Я чувствовала это. И это осознание было самым страшным.

«Люда, звони в скорую...»

«У меня телефон разряжен!»

«Девушка, вы как?»

«Вот тебе и празднички... Але, скорая! Тут... Тут девочку порезали!»

И сейчас я умирала. Эта отчетливая мысль пугала меня, как и в первый раз.

Как вдруг я почувствовала, как что-то холодное раздвигает мои губы.словно кусочек льда. Что-то полилось мне в рот. Я должна была сделать глоток, но я не могла. Я почувствовала, как горло сжал спазм. словно невидимая рука держит его. Мне туда, а оно обратно...

– Глотай, – послышался шепот, зловещий, как сама тьма. – Глотай... Быстро!

Я пыталась, но даже легкие сжались так, что требовалось усилие, чтобы я сделала глоток.

И тут я почувствовала прикосновение губ своим губам. Кто-то вдвухал воздух в мои легкие, давая мне шанс на еще один вздох.

Мне стало легче, когда пламя внутри стало стихать. Не было раздражающей боли. Не было больше судорог, когда тебе кажется, что твое тело обвивают и ломают черные щупальца смерти.

Я смогла дышать. Легкие снова работали. Каждый вздох давался мне все легче и легче. Только жар никак не спадал. Казалось, что все мое тело горит изнутри.

И тут прикосновение. Оно приносило облегчение. Что-то холодное и влажное скользило по моему телу, а я боялась, что это все закончится.

А потом стало легче. Я смогла дышать. Жар постепенно сходил на нет.

Измученное тело требовало отдыха. И я погружалась в мягкие объятия сна. В этот момент по телу пробежала волна облегчения, и я снова упала в темноту, где сны и явь путались и переплетались. Мне снова чудился этот странный, опасный человек в маске, который стоит в моей комнате. Мне казалось, что он склоняется ко мне, а у меня от страха внутри все замирает.

– Госпожа!!! – послышался надрывный крик сквозь вату. – Госпожа!!!

Глава 13

Я сначала не поняла, что случилось. Почему я лежу на кровати?

События вчерашнего дня смазались, а мне казалось это каким-то дурным сном. На губах был горький привкус, похожий на привкус лекарства.

Неужели? Неужели я не умерла?

Испуганная горничная стояла на пороге с газетой в руках. Я встала на дрожащие ноги, чувствуя, как внутри головы гудит колокол. Каждое слово отдавалось гулом.

– Что случилось? – прошептала горничная, когда я с трудом присела в кресло. – Вам нехорошо?

Нехорошо? О! Это не то слово! Только сейчас до меня дошло, когда память немного стала проясняться. Унижение, отравление... Мархарт решил меня отравить. И это после всего, что я для него сделала!

Пять лет я строила ему банк. Пять лет вытаскивала его из болота, где он увязал по самые запонки. И всё, что он сделал взамен – отравил меня, как крысу в погребке. А ещё – подарил мне браслет, как лакомство перед убогом.

От обиды больно сжалось сердце. Я чувствовала, как всё внутри замирает от обиды. Но если он пытался отравить, то как я выжила? Неужели он неправильно рассчитал дозу яда? И кто раздел меня, положил меня на кровать, если последнее, что я помню, так это разбивающийся бокал и то, как я обрушиваюсь на пол? Может, это Мархарт пытался стереть улики? Может, он хотел, чтобы слуги с утра не добудились меня в постели? И списать всё на «не выдержала позора».

– Да, я в порядке, – выдохнула я. На большее у меня просто не хватило сил. Тошнота, головокружение и чувство, словно весь мир обернули ватой. Ну еще бы! Вчера я должна была перестать дышать навсегда!

Горничная помогла мне одеться.

«Ой, а у вас шнурок от корсета порвался!» – послышался ее удивленный голос.

Она тут же принесла новое платье и сделала мне прическу.

– Может, сделать чаю? – учтиво спросила горничная.

На секунду я замешкалась, а потом кивнула. Может, горячий сладкий чай вернет меня к жизни. Или хотя бы попытается.

Горничная осмотрела комнату. Она словно что-то хотела сказать, но не решалась.

– Мадам... Вы не слышали? Ночью кто-то стоял у ворот. Без кареты. Просто... стоял, – произнесла она, а голос ее был тихим. – Он стоял и смотрел на ваши окна. Мужчина в плаще и в маске. Его видел конюх, я и две другие горничные. Я еще испугалась.

«Он!» – пронеслось в голове.

Тот самый незнакомец с бала. Есть мужчины, что не ломают двери. Они входят сквозь стены. Их не остановить ни замком, ни золотом. Их невозможно остановить. Они одержимы.

Сердце испуганно забилося, словно он был где-то рядом. И вся история с прятками и вечными переездами начинается снова.

– Где Мархарт? – спросила я, видя пустую коробку из-под браслета на столе.

Глава 14

– Он уехал сегодня с утра, – прошептала горничная.

«Даже подарок забрал! Видимо, не ожидал, что я очнусь!» – пронеслось в голове. Я сжала кулаки от обиды. Мне было до слез обидно, что когда он плакался перед портретами предков – известных банкиров, ныл, что он не смог должным образом продолжить великое семейное дело, я утешала, гладила его по голове с нежностью матери и говорила, что я что-нибудь придумаю.

Тогда его костюм был старым, потертым, а в доме уже было не так много вещей, которые можно было продать. А вчера он был в новом костюме с бриллиантовыми запонками. Как же быстро он забыл о том, как я тащила этот банк на своем горбу, уговаривая людей вложить деньги и драгоценности в банковские ячейки.

А она? Мадам Свеча? Что сделала она ради него? Купила новое платье на его деньги? И вот тут горький ком обиды встал поперек горла. Где была блистательная мадам Свеча, когда он продавал последнее? Где она была, когда он просыпался в кошмарах, что за дверью уже стоят кредиторы?

Эта тварь пришла на все готовенькое! Прилетела, как ночная бабочка на блеск золота... Ладно бы просто прилетела. Почему он выбрал ее? Не меня, которая была рядом всегда, та, которая помогала, терпела лишения, утешала, если что-то не получается... Почему она?

– Когда вернется? – спросила я, понимая, что теперь я точно не прощу. Даже если ад разверзнется под ногами, я не прощу.

Если я подам на развод, меня вышвырнут на улицу, как испорченный товар. Без имени, без приданого, без даже права называться «мадам Лавальд». Я стану тенью.

Нет, хуже! Даже тени будут плевать мне под ноги.

– Не знаю. Он ничего не сказал, – сглотнула горничная и тут же затараторила: – Обычно он говорит, но сегодня ничего не сказал...

Поднос с чаем звякнул о стол, а я стала болтать ложкой в кружке. Звук казался настолько неприятным, что я прекратила и решила выпить чай так.

Только я сделала глоток с чаем, послышался стук кареты. Кто-то приехал. Ну, если это Мархарт, то его ждет сюрприз. На развод подавать не буду, но мы разъедемся. Он обязан будет обеспечивать меня до конца моих дней. Я знаю, как это можно повернуть. Я просто буду делать покупки, как это делают другие дамы, а счета отправлять ему. Он же так дорожит репутацией банка! Не хватало, чтобы кто-то из вкладчиков пронюхал, что он не стал оплачивать покупки жены. А при помощи сплетен я превращу «не стал» в «не смог». Тогда посмотрим, как он будет выкручиваться.

Чувство удовлетворения заполнило мою душу, как бальзам. Стало немного полегче.

Я открыла шторы и выглянула в окно, видя, как возле парадного входа остановилась черная заснеженная карета, из которой вышел не Мархарт. А какой-то совершенно незнакомый мужчина в цилиндре и плаще.

Едва подавив разочарование, я задернула штору.

Сейчас я никого не хотела видеть. Пусть разбирается дворецкий.

Только я сделала два глотка, как вдруг дверь в комнату распахнулась, и в нее влетел лысоватый рассерженный мужчина с газетой в руках.

Глава 15. Дракон

Капли яда уже стекали к горлу, но я знал – если волюю противоядие слишком быстро, она может захлебнуться.

Белые, полупрозрачные, густые капли стекали по ее губам, по ее щекам, на ее шею. Несколько капель стекло на ее соблазнительную грудь.

Тогда я сделал то, что не делал никогда: прижался губами к её губам – и выдул воздух, чтобы раскрыть ее лёгкие, а потом влил остатки зелья в ее горло.

Я вливал противоядие капля за каплей. Её губы – сухие, потрескавшиеся, но всё ещё вкусные. Одна капля упала на подбородок – и я провёл пальцем, не думая. Её кожа горела. Или это я горел?

С того момента, как дракон внутри дёрнулся: «Она в опасности!» – до того момента, как я проник в её комнату и увидел её тело на полу, прошло не больше двадцати минут. Пустой бокал валялся разбитым на полу.

Пара секунд, и я уже летел в сторону целителя за противоядием. В руке я сжимал осколок стекла, сохранившего капли яда.

«Хм... Это, пожалуй... сильный яд!» – слышал я голос, видя, как осколок стекла вспыхивает от капли какого-то зелья.

«Быстрее!!!» – процедил я сквозь зубы, видя, как старый целитель достаёт флакон.

«Только потом будет страшный жар. Его нужно как-то снять... Следите, чтобы... не умер от жара!» – произнёс аптекарь.

Мешок с золотом я бросил ему уже на бегу.

«Господин! Тут слишком много!» – слышал я голос в спину.

«Оставь себе!» – задохнулся я, вылетая на улицу.

И вот я снова здесь, в её комнате, впитавшей в себя запах её духов. Она ещё жива... Я успел...

Я взял её на руки, чувствуя, как по телу растекается наслаждение. От одной мысли, что я держу её на руках. Что сейчас она принадлежит только мне.

Её горячее тело напряглось. Мгновение – и она зашевелилась, будто почувствовала меня. Будто почувствовала жар моего тела сквозь одежду.

Она была прекрасна даже в смертельной агонии.

«Глотай», – прошептал я, прижимая флакон к её губам. Проглоти жизнь, которую я тебе дарю. Потому что теперь она – моя.

Горлышко флакона скользило между её губ. И в этот момент я поймал себя на мысли: «Если бы это был я... если бы она сосала меня так же, с той же беспомощной жадностью...».

Член напрягся до боли, когда я представил, что это не горлышко бутылки скользит между её губ, а он. Что это не лекарство стекает по её губам, а то, что вышло из меня с последней секундой наслаждения. Я стиснул зубы.

Глава 16. Дракон

«Нет», – прошептал себе. – «Не сейчас. Ты не хочешь её такой. Ты хочешь, чтобы она смотрела в глаза, когда поймёт: ты – её спасение и приговор».

Моя рука, державшая её за шею, задрожала. И когда я отстранился – не отпустил. Пальцы всё ещё касались её горла, будто решая – дать ли ей проснуться... или оставить в этом промежутке между жизнью и смертью, где она принадлежит только мне.

Я чувствовал, что жар не прекращается. Как снова высыхают ее губы.

Закрыв дверь на засов, я взял нож для писем и провел по тесьме ее тугого корсета, чтобы снять с нее платье. Я бросил его на пол. Следом полетели нижняя рубашка и панталоны.

Я подошел к графину, наполненному прохладной водой, достал платок из кармана и намочил.

Холодный платок скользил по ее соблазнительному телу, а вода тут же испарялась от ее жара.

– Ах, – простонала она, словно прикосновение холодного платка принесло ей облегчение.

Этот стон проник в мое сознание вместе с ее запахом. Запах тела смешивался с запахом ее духов. Я погасил камин, распахнул окно, сгребая с подоконника лед.

– Ах, – стонала она, когда льдинки таяли на ее горячей коже.

Я сходил с ума, когда моя рука со снегом скользила по ее пылающему лбу, подбородку и шее, когда льдинки таяли возле ее розового соска, стекая каплями на простыню.

Я ласкал снегом ее бедра, чувствуя, как она стонет от наслаждения. Но я знал, что это было не то наслаждение. Это было сродни дуновению прохладного ветерка в удушающем зное. Облегчение после мучительной боли.

– Ооо... – простонали ее губы.

Крошка, если ты будешь так стонать, у меня штаны лопнут... Ты хоть представляешь, что делает со мной твой стон?

Ей становилось легче. Графин почти опустел. Мне так хотелось скользнуть рукой между ее бедер, нежно коснуться ее лона, но я сдерживался до дрожи в пальцах.

– Ммм... – послышался ее стон, когда кусочек льда обогнул ее сосок.

Я бы сейчас ее взял... Нельзя так стонать. Нельзя.

Когда снег перестал таять и почувствовал, что ее знобит, я укрыл ее одеялом и закрыл окно. Камин снова вспыхнул от моего дыхания.

И когда я почувствовал, как моё тело требует разрядки, я не стал отводить взгляд. Я смотрел, как её грудь поднимается, как ее тело лежит на простынях, обнаженное, словно готовое принять меня...

– Нет, – зарычал я, задыхаясь от желания.

Я упал в кресло, расстегнув штаны. Я знал, что это кошунство. Что так нельзя...

Глава 17. Дракон

Я взял в руку набухший член и почувствовал облегчение. Плоть откликнулась на мое прикосновение и затвердела еще сильнее.

Он просился в ее плоть, пока я пожирал ее глазами.

Я представлял, что сейчас по нему скользят ее губы, что его сжимает ее лоно. Как она стонет от наслаждения, когда я погружаюсь в нее до конца... Как целую ее пересохшие губы, как чувствую каждое движение ее бедер, поднимаемых моими руками. “Я сделаю так, что ты будешь умирать на мне от наслаждения... Я буду трахать тебя так, как не трахал ни один мужчина в твоей жизни! Ты будешь течь только для меня! Как последняя шлюха! А я буду обожать тебя за это! За то, что ты течешь, как только видишь меня, и я знаю об этом!”, – шепчу я.

Да, быть может, я слишком груб для изысканного герцога. Но я вырос на улице, среди работяг, шлюх, воров и нищеты. Мать скрывала клиентов. Она не хотела осквернять наш дом грязью. Поэтому снимала комнату у старой мадам Рамбаль. Крошечную, убогую комнатку со скрипучей кроватью. Я видел эту комнату. Мадам Рамбаль привела меня к себе, сказав, что мамы больше нет. Старуха нашла мне работу грузчика, чтобы я не умер с голоду. С утра я грузил ящики в порту, а вечером вышвыривал “плохих клиентов”, которые сначала смотрели на меня: “Эй, это что за малец?” – перед тем, как я скручивал здорового мужика и вытаскивал его на потеху всем на улице. Все-таки дракон, пусть даже ребенок, намного сильнее обычного человека. Тогда я смотрел на свою грязную руку и думал, что это, пожалуй, единственное, что досталось мне от моего папашки. “Держи, сынок!”. Мадам Рамбаль вкладывала мне в руку монеты. “Я тебя еще позову, если кто-то снова напьется и будет буянить!”.

Видел я многое. И кое-что врезалось мне в память. Нежность? Нет. Меня не возбуждала нежность. Потому что в память мне врезались совсем другие картинки. Приоткрытая дверь, разорванное платье и животное, которое грубо наслаждалось юной красавицей. Я помню ее глаза, затуманенные слезами, помню огромную руку, которая зажимала ей рот. Помню ее светлые волосы, которые тряслись в такт с жесткими толчками, помню изгиб ее белого тела, которое ломалось под натиском страсти. Шлепки. Звонкие, грубые.

А потом ее стон наслаждения, который застал меня уже в узком грязном коридоре. Клиент бросил деньги и ушел. А она лежала на кровати, тяжело дыша. Ее рука скользила между ее бедер.

“Ей понравилось!”, – задохнулся я. И в этот момент я впервые почувствовал желание.

Цвет и узоры ковра угадывались под ногами лишь смутно, а я задышался от жара внутри.

Я кончил. Я чувствовал, как извергаюсь в кружевной платок, который хранил ее запах. И от этого наслаждение было еще сильнее. Я застегнул штаны, убрал все следы моего пребывания здесь. Ее одежду я повесил на спинку кресла, а графин поставил на место.

Она спала. Это был тот самый мучительный сон, который наступает после долгой болезни. Я не осмелился коснуться ее снова. Поэтому просто вышел в коридор.

Я вспомнил, как мой папаша навел обо мне справки. И, боясь за то, что однажды все это всплывет в газетах, вычистил мою биографию. Для всех я рос с мамой в пригороде, в красивом домике. Ах, если бы оно так и было...

Уже потом, через месяц, я узнал, что мадам Рамбаль умерла. Умерли все, кто знал меня и мать. Ведь для отца репутация была важнее, чем правда.

“Как вы вышли из комнаты для чтения! Вас же заперли! – слышал я голоса гувернеров.

“Легко! – отвечал я, показывая в руках отмычку, сделанную из шпильки для волос. – Улицы меня многому научили!”.

“Вы ведете себя как дикарь! Вам пора забыть то, чему вас научили улицы! Вы – герцог! Вы – наследник огромного состояния! Вы – член высшего общества, – твердили мне. – Ваш отец крайне недоволен вашим поведением!”

“Я тоже недоволен его поведением! Передайте ему, что именно благодаря ему я вырос на улице! И знаю, как отличить хорошее пойло от дрянного и большую шлюху от здоровой!”.

“Вы должны вести себя, как благородный господин!”, – спорили со мной гувернеры. А я со смехом смотрел на этих чистеньких папиных лизоблюдов с белыми перчатками, с поклоннами, надушенных одеколонами в золотых очечках.

Благородный мальчик умер, когда впервые осознал, что вокруг него не роскошная комната и куча слуг, а крысы, сырость и холод. Для того, чтобы я жил, человек во мне должен был умереть. Я делал вид, что я человек, только для того, чтобы не расстраивать маму. Но мамы больше нет. И расстраивать некого!

– Я буду жестоким, я буду тираном, – прошептал я, пожирая взглядом ее лицо и тело. – Я не позволю никому коснуться тебя без моего разрешения. Я даже готов сжечь твоё платье, если узнаю, что его касались мужские руки. Я буду задыхаться от ревности, когда кто-то целует тебе руку. И я буду готов сжечь твою перчатку в камине. Да, я куплю тебе новое платье, новые перчатки, новые украшения. Да, я ревнивое чудовище. Я знаю это. А знаешь почему? Потому что я хочу, чтобы ты принадлежала только мне. Ты для меня – святыня. И я никому не позволю тебя осквернить. Перед всеми я буду любящим и заботливым. И только двери нашей с тобой спальни будут знать, какое я чудовище на самом деле... Я хочу, чтобы ты лежала на кровати, а твоя рука скользила между бедрами, чтобы на твоей белой коже остались следы моей страсти. А ты хотела еще и еще... Я буду ждать, когда ты поймешь, кончая на моем члене, что только чудовище способно защитить тебя от других чудовищ.

Глава 18

– Это что значит? – заорал незнакомый мужчина, размахивая газетой, как мечом. – Где ваш муж?

Соображала я туго. В голове все еще стоял звук раскрываемой двери. Обычно я с улыбкой отвечала: «Он уехал по делам, но скоро вернется. Если у вас есть что обсудить, я ему передам!».

Некоторые джентльмены наотрез отказывались разговаривать с женщиной, глядя на меня снисходительным взглядом: «Дорогая, а ты запомнишь хотя бы половину из того, что я тебе сказал?».

– Он уехал по делам, но скоро вернется. Если у вас есть что обсудить, я ему передам! – выдохнула я, видя, как дрожит смятая газета в пухлой руке гостя.

– Где мои деньги! – закричал незнакомец.

Я возмутилась. И даже встала с кресла. Как он смеет повышать на меня голос! Какой невоспитанный. Я уже собиралась отдать приказ дворецкому и слугам, чтобы этого наглеца выставили за дверь, но что-то меня остановило.

– Полагаю, в банке! – произнесла я. В моем голосе вежливый лед. – И прекратите кричать! Кто вам дал разрешение так со мной разговаривать?

– Разрешение? Да? – лихорадочно задыхаясь, пробухтел мужик, а потом затрясся. – Разрешение, значит! Я сегодня с утра хотел снять деньги, которые откладывал пять лет на приданное дочери! И что вы думаете? Денег нет! Мои деньги пропали!

– Думаю, что это какая-то ошибка, – произнесла я, стараясь успокоить разбушевавшегося клиента. – Вы попросите служащего проверить еще раз!

– У меня через неделю свадьба дочери! Все уже оговорено! – кричал незнакомец. – Я думал, что деньги в надежном месте! Банк – это ведь надежно, не так ли!

– Так, так, так, – попыталась я урезонить клиента, подняв руку в успокаивающем жесте.

– Не «такайте» мне! Где ваш супруг! – зыркнул глазами незнакомец, словно Мархарт спрятался в комнате.

– Его нет дома, – ответила я. – Поезжайте в банк. Я уверена, что там разберутся. Я ничего не могу сделать. Я не служащая банка.

– Куда уехал ваш муж? – спросил незнакомец, пытаясь отдышаться.

– Я не знаю. Он не поставил меня в известность, – произнесла я, видя, как мужчина пытается отдышаться и успокоиться.

– Вы понимаете, что у меня пропали все деньги из моей ячейки! Служащая при мне открыла ее, а там пусто! – произнес он.

– Не переживайте, у нас есть резервный фонд. Как раз на такой случай, – улыбнулась я. – Можете вернуться в банк, и если что, вам выплатят из резервного фонда. Вам нужно просто написать заявление.

Незнакомец успокоился. Вроде бы. Он все еще тяжело дышал, словно пытаясь осмыслить сказанное мною.

– Простите, мадам, – произнес он наконец совершенно другим голосом. – Просто я разнервничался. Свадьба на носу. Подготовка и все такое.

– Я вас понимаю, – постаралась улыбнуться я. Незнакомец вышел, а я села в кресло. Что ж, и такое бывает.

Не прошло и получаса, как в комнату без стука влетел старый дворецкий.

– Мадам, вам нужно взглянуть! – послышался его запыхавшийся голос. Он развернул газету, а я увидела на первой странице: «Банк Лавальд» ограблен!

Глава 19

Я дернулась, пробегая глазами строчки. Буквы в газете плясали, как мухи в стеклянной банке. И тут я поняла, что не буквы пляшут. Это дрожат мои руки.

Я выхватила глазами только: «ПРОПАЛО», «ОГРАБЛЕНО», «ЛАВАЛЬД» – всё остальное – шум из домыслов, сплетен и историй вкладчиков.

Но больше всего меня пугали толпы людей на фотографии. Они стояли под банком, пока охрана пыталась держать дверь.

Это страшное, застывшее мгновение поразило меня куда больше домыслов журналистов и рассуждений о том, как опасно хранить деньги у чужих людей.

Объектив поймал на переднем плане рыдающую женщину, которую придерживает, видимо, супруг. Он с надеждой смотрит на банк, который еще вчера был оплотом надежности. В его глазах была слабая надежда.

Минута растягивалась на час, чай в кружке не остывал – будто время остановилось, а я осталась внутри него.

– Где господин Лавальд! – послышался крик в коридоре. – Господин Лавальд!!!

В комнату вбежал управляющий банком, мистер Эллифорд. Вид у него был такой, словно за ним гнались собаки. Рыжий, солидный пожилой дядька с отдышкой смотрел на меня осоловевшими глазами.

Он вцепился в дверной косяк, задыхаясь.

– Мадам, а где господин Лавальд? – прошептал он, пытаясь перевести дух. – Он мне срочно нужен!

– Я не знаю, – прошептала я, а пока сердце выстукивало ритм паники. – Что у вас случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.